

Людмила **ДАВЫДОВА¹**

О ДАВЫДОВЕ А. З. — МУЖЕ, ДРУГЕ, СОРАТНИКЕ, ХУДОЖНИКЕ

Анатолий по-гречески — восточный. И я с Дальнего Востока. Какие-то неведомые силы, судьба соединили наши «востоки». Может быть, этот «восток» заставлял нас все 35 лет нашей совместной дороги, нашего пути вместе по жизни говорить друг другу «вы». К общению на «вы» мы настолько привыкли, что не замечали этого, это для нас было органично. Но для окружающих казалось странным.

...Зима 1975 года. Я прилетела из Владивостока в Ленинград на стажировку от института, где преподавала. Этому очень обрадовался художник Борис Фёдорович Лобас и обязал меня передать пакет своему «дорогому другу в Ленинграде Давыдову Анатолию Захариевичу». Борис Фёдорович, студию которого я посещала, преподавал во Владивостоке в художественном училище.

Долгое время никак не могла дозвониться и поехала наугад на Песочную набережную. Был полдень. Дверь открыли. Поздоровались.

— Я вам привезла пакет от Бориса Лобаса из Владивостока.

— Проходите, — приветливо пригласил меня Анатолий Захариевич, не предполагая, что приглашает меня на всю жизнь.

— Я знаю вас по рассказам Бориса Фёдоровича, про ваши приключения в Доме творчества «Челюскинская». Извините, что не сразу передала пакет.

---

¹ Давыдова Людмила Витальевна родилась в городе Биробиджан Хабаровского края. Занималась в изостудии Дома пионеров. В годы учёбы в Дальневосточном политехническом институте посещала Владивостокское художественное училище, занималась в студии, руководимой художником Б.Ф. Лобасом. Работала преподавателем в ДПИ, а с 1970 г. преподавала рисование и черчение в ленинградских школах. Художник. Организатор совместно с Лазаревым А.Г. ряда выставок работ её мужа — Давыдова А.З. и её собственных, занималась изданием наследия А.З. Давыдова, в том числе литературного. Живёт в Санкт-Петербурге.

— Спасибо за пакет. Сейчас мы выпьем чаю, а потом покажу вам Каменный остров. Вы ведь там не были? Но помните, что к трём часам ко мне придут дамы в гости, поэтому надо торопиться.

На столе кухни (необычная, причудливая) появились чашки. Было очень тепло и уютно. Рассказала о Владивостоке, о своём преподавании, об увлечении искусством с детства. Какая-то родственная ниточка потянулась от одного к другому.

Неожиданно он сказал:

— Сижу тут одиноким волком. Вот послезавтра поеду знакомиться с невестой. Нет, не знакомиться. Знаком. Может быть, что-то будет серьёзное.

Его непосредственность, доверие ко мне растопили во мне какую-то преграду.

Мы быстро собрались и побежали (именно побежали) через Малую Невку по мосту на Каменный остров. Рассказчиком оказался Анатолий Захариевич необыкновенным: мило пересыпая шутками рассказы о событиях, героях, происшествиях на Каменном острове, он воспроизвёл мне всю его историческую панораму.

Пушкин, Александр I, Николай I... — целая череда великих вдруг в самой живой форме предстала передо мной. Пробежав весь остров, мы оказались на обратном пути на мосту, где у меня неожиданно сломался каблук. С отлетевшим каблуком в руках я захромала. Путь назад, к себе, был отрезан. Только спустя много лет я поняла — это судьба!

Вернулись на Песочную набережную. Анатолий Захариевич стал прибывать каблук, попросив хоть как-то накрыть на стол. Через несколько минут появились три прекрасные девушки. Это были художницы Люба Пакулина, Наташа Скуляри и артистка цирка Нина. Каждый рассказывал о своих жизненных перипетиях. С интересом слушали рассказы Анатолия Захариевича: говорил он остроумно, с юмором, стихами, прибаутками — в этом весь Давыдов, как потом оказалось.

Время пролетело быстро. Анатолий Захариевич проводил гостей. Я убрала со стола. Казалось, что я всегда была здесь. Починка каблука была завершена, и, окрылённые знакомством, с улыбками на устах мы опять побежали, но уже не на остров, а на метро.

— Обязательно позвоните послезавтра, — наказал Анатолий Захариевич. И мы почувствовали, что это необходимо.

Я тут же ответила:

— Непременно! Обязательно позвоню.

Жила я в аспирантской гостинице в Автово. Телефона там не было.

Позвонила. Договорились о встрече у памятника Крузенштерну на Васильевском острове. Там же была студия, где Анатолий Захариевич преподавал по субботам. Вот в субботу мы и должны были встретиться. Летела я на эту встречу как на крыльях. Что-то поднимало меня над землёй. Опаздывала, транспорт мне был незнаком. Распарившись на бегу, прилетела к памятнику. Анатолий Захариевич уже ждал. Что мы чувствовали тогда? О чём думали? Это было как наводнение, стихия. Какой-то поток чувств, ощущение приключений нёс нас.

Пошли в Русский музей, потом в мастерскую. Анатолий Захариевич показал свои работы — графику, живопись. Рада была увиденному. Свободно, неожиданно, необычно. Живопись была очень своеобразна и тем особенно интересна.

* * *

Три месяца пролетели быстро. Мы посещали мастерские друзей Анатолия Захариевича: С.Б. Эпштейна, П.Г. Коростелева, Б.М. Калаушина и многих, многих других.

Время было счастливое. Ездили в Таллин к друзьям Анатолия Захариевича. Кээрэнд, Юло Тедер, Ольга Кальюнди, Лорберг — все художники и искусствоведы. Нам было весело, мы были молоды. И ранее я бывала в Таллине, но именно в этот год он был сказочен и прекрасен.

Впоследствии мы неоднократно возвращались в Таллин, любили этот город. По прошествии многих лет мы часто вспоминали это блаженное время, несмотря на то, что подчас ночевали на узком диванчике какого-то подвальчика от Союза кинематографистов или маленькой мастерской друзей.

Обсудили всё: я свободна, оставляю работу во Владивостоке, и с сыном переезжаем в Ленинград. Где будем жить? Надо менять мою квартиру. Жить будем вместе. Главное — мы нашли друг друга.

В конце мая я улетела во Владивосток. Принимала экзамены, зачёты. А в июне вернулась в Ленинград. В потоке событий прошли ещё три месяца. Это был карнавал: работа Анатолия (впредь для краткости я буду называть А.З. Давыдова так) в мастерской, музеи, беседы, его яркие бесконечные рассказы о войне, блокаде, довоенном детстве, послевоенные мытарства, учёба в Академии художеств, творческие поиски, а также прогулки по Ленинграду, островам — всё было фантазмагорично.

В августе мы вошли в ЗАГС и оказались мужем и женой. Я стала Давыдовой. Художник Сергей Архипенко подарил огром-

ный букет белых роз, собранных в Ботаническом саду, и вместе с Лёней Надировым, Виктором Морозовым (свидетели и друзья) отпраздновали нашу свадьбу на Песчаной набережной.

В сентябре я улетела во Владивосток — меняла квартиру. И через полгода с сыном Павлом вернулась в Ленинград навсегда.

Квартира Анатолия превращалась в петербургский дом, в котором приятно жить и принимать гостей. Красоту и уют придавала красная мебель эпохи Павла I, которую приобретали по комиссиям или по случаю.

Дома и в мастерской побывало много интересных людей и чудаков, скучных не было. Максимальное совпадение моих и его взглядов, вкусов, творческих пристрастий превращало повседневность в настоящую жизнь. Дом наш оказывал радушный приём многим известным и неизвестным замечательным людям: это были художники, реставраторы, писатели, актёры, поэты и просто друзья и симпатичные люди.

Жизнь налаживалась, Павел поступил сначала в художественную школу на Каменном острове, затем в СХШ. Я стала работать в приборостроительном колледже, который впоследствии стал факультетом ЛИТМО. Старалась устроиться как можно ближе, чтобы быть рядом с мужем и сыном. Институты были далеко от Песочной набережной, и я не хотела жертвовать ради работы семьёй.

Экспериментальная мастерская, где увлечённо работал над графикой Анатолий, была рядом в нашем доме. В мастерской он плотно занялся живописью. Видя моё одобрение и восхищение, ещё с большим рвением работал над холстами (портреты, натюрморты, пейзажи). А я бегала по библиотекам, музеям, с дотошностью готовя материалы (книги, стихи, альбомы) для создания портретов-образов: Цветаевой, Ахматовой, Пушкина, Гумилёва, Пастернака, Достоевского, Бунина и... уговаривала Анатолия выйти из членов бюро секции ЛОСХ, чтобы максимум времени оставалось для творчества.

Анатолий рассказывал о перипетиях своей жизни мне с Павлом и друзьям столь искренне, убедительно, интересно, с юмором, что не составило большого труда убедить его обо всём писать и, мало того, вести обстоятельный дневник. В итоге им написано семь книг: «Острова былого», «Лики и маски», «Штрихи», «15 рассказов про всё», «Сюжеты и портреты», «Давно и недавно», «Тринадцатая тетрадь» и двадцать семь «томов» (больших толстых тетрадей) дневников, в которых сконцентрировано многое: личная, политическая, общественная жизнь и многое другое.

Жили мы небогато, но интересно. Анатолий редко выполнял заказы, договоров было немного, зато свободы для творческих поисков в живописи, графике было достаточно.

Много внимания Анатолий уделял Павлу — поддержка, внимание, добрый и недобрый совет во время учёбы сына в СХШ, а затем на живописном факультете в Академии художеств. Требовательность, взыскательность Анатолия явились залогом того, что Павел закончил Академию художеств и в настоящее время работает в Эрмитаже, вступил в СХ РФ.

Жизнь есть жизнь. Колкий, острый, взыскательный, импульсивный характер Анатолия давал о себе знать. Но и я была не сахар — казачка. Однако доброта, любовь, умение прощать побеждали.

Память возвращает меня в прошлое, беспокойное прошлое, в котором было много хорошего.

Началась пора персональных выставок Анатолия. Сначала в павильоне Росси Летнего сада и Доме писателей имени В.В. Маяковского в Ленинграде в 1978 году. Здесь на самых разных площадках СХ состоялось около 25 персональных выставок, включая дворец имени Газа, дворец имени Ленсовета, две выставки в Союзе художников на Герцена, 38, в Большом зале, в Малом зале СХ и много, много других. Одновременно шли выставки в различных городах Советского Союза (живопись, графика): художественные музеи Ростова-на-Дону, Ярославля, Таганрога, Казани... — около сорока музеев. Это огромная текущая работа, которая в основном легла на меня: переписка и переговоры с директорами музеев, их сотрудниками, переправка работ, подготовка буклетов и каталогов, статьи, рецензии, печатавшиеся в многочисленных газетах и журналах и профессиональных изданиях.

Судьба свела нас с замечательными людьми — искусствоведом Галиной Кекушевой, подготовившей неординарный каталог первой персональной выставки Анатолия Давыдова в Большом зале ЛОСХ, и Ниной Сергеевной Кутейниковой, выпустившей в 1988 году монографию «А. Давыдов». Их поддержка, внимание, доброжелательность, врождённое обаяние, жизнерадостность, искренность, добрые советы соединили Анатолия, всю нашу семью на долгие годы.

Раньше, ещё до нашей встречи, Анатолий объездил СССР (эвакуация в годы войны, поездки в Дома творчества, творческие командировки), был и за границей (Польша, Германия, Венгрия. Румыния — это война), позднее в Чехословакии, Германии и других странах.

Страсть к путешествиям сидела в нас обоих: мы не жалели денег на путешествия, наслаждались прекрасным, копили воспоминания и впечатления.

Как-то оказались на берегу Эльбы в Дрездене. Мосты, дымка, рядом Цвингер, куда мы отправились к ранее знакомой — директору легендарной Дрезденской галереи Анне-Луизе Майер. Она приняла нас с распростёртыми объятьями. В огромном кабинете со старыми гобеленами и мебелью «Жакоб» мы выпивали водочку, заедали бутербродами. Было весело и радостно.

А счастливые поездки в Веймар (Кранах), Эрфурт, Наумбург! Сколько незабываемых впечатлений увезли мы оттуда, где удалось побывать!

Шли годы... Анатолий с упоением и неистовством работал в мастерской над живописными портретами, пейзажами, натюр-мортами. А я робко помогала. В семидесятые годы пошла по его стопам. Стала немного заниматься живописью, а затем в восьмидесятые — всё более и более.

Люда. 1985.
Медь, масло. 6,0 x 5,5

А.А. Давыдов в мастерской. 1988

Поначалу Анатолий не придавал особого значения моим поискам, но со временем стал обращать на них внимание, разбирая и критикуя мои труды. В последние годы (лет пятнадцать) он всё более и более внимательно приглядывался к моим работам, а со временем даже восхищался и поощрял, подвигая меня на дальнейшие опыты в живописи. Меня это очень вдохновляло.

Детство Анатолия было прервано войной, рано пришлось мужать. Годы войны наложили отпечаток на его личность — ранимость, раздражительность, нервозность характера. Моё детство также было

*Встреча нового 2005 года
на Песочной набережной,
16. Давыдовы Анатолий
и Людмила*

была надёжная защита для нас обоих, оберегая и уберегая нас от глупостей и ошибок.

Почти тридцать пять лет мы прожили вместе. Последние двадцать лет были непростыми: мы с трудом приспособились к реалиям нового столетия, начавшегося с 1991 года. Как эхо ушедшего времени ещё оставались радостные счастливые дни. Постепенно уходили друзья: незабвенные художники Боря Калаушин, Володя Меньшиков, Владимир Ветрогонский, Володя Бескаравайный, поэт Володя Алексеев и многие, многие другие. Ушли

ученики Анатолия по студии на Васильевском острове, где он преподавал 35 лет. Утраты, утраты... Светлое будущее уходило.

Последние годы мы были особенно близки. Он и я относились друг к другу с особой нежностью: я — как к сыну, он — как к маме. Анатолий Захариевич ушёл в другой мир, но осталась добрая память обо всём хорошем, что мы пережили. В каждой его работе — его душа, его характер, его любовь к жизни и к миру.

Санкт-Петербург

опалено войной — на год почти с момента рождения мама отдала меня в дом ребёнка, а сама была отправлена на лесоповал (как медработник подлежала мобилизации, но её заменили лесоповалом). Трудное детство (послевоенный холод и голод) давало мне возможность понимать страдания других. Особенно Анатолия. Когда он был раздражителен, упрям, сердился, я старалась прощать ему, помня о нашей как бы общей судьбе: его трудное довоенное детство, ужасы блокады, война, послевоенные голодные мытарства, борьба за своё место и своё лицо в творчестве объединяли нас, давали возможность понять и, главное, прощать друг друга. Это

*Песочная набережная, 16. В прихожей: А.З. Давыдов, Владимир Алексеевич Леняшин (вице-президент Академии художеств, зав. кафедрой искусства, зав. отделом ГРМ).
Санкт-Петербург, 7 ноября 2005*